

ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ — РОДИНУ ЗАЩИЩАТЬ!

ОФИЦЕРЫ

★ СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ ★

БОЕВОЙ АМУЛЕТ

АСТ

Офицеры

Сергей Зверев

Пепел врага

«Научная книга»

Зверев С. И.

Пепел врага / С. И. Зверев — «Научная книга», — (Офицеры)

© Зверев С. И.
© Научная книга

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Зверев

Пепел врага

Пролог

Волк вышел из буковой рощи. Осмотрев янтарными глазами открытое пространство, он втянул ноздрями воздух. Вечерний туман, ключьями сползавший со склонов гор, скапливался в долинах и распадках, оседая тяжелыми ртутными каплями на шерсти зверя. Не учуяв ничего подозрительного, волк стряхнул влагу, от которой так противно ныли старые кости.

Зверь немало повидал на своем веку. Жизнь не щадила хищника. Схватки с соперниками, клыки собак пастухов, неудачные прыжки при преследовании добычи – все оставляло свои отметины на шкуре и отнимало силы. Когда-то он был предводителем стаи. Шел первым в загонах. Именно он наносил жертве смертельный удар.

Но потом все изменилось.

У стаи появился новый вожак. Самки больше не начинали похотливо скулить только от одного взгляда его желтых глаз. Наглая молодежь старалась украсть лучшие куски добычи прямо из-под носа. Только затупленные, но все еще грозные клыки заставляли наглецов помнить, с кем они имеют дело.

Волк дряхлел. Он уже не брезговал охотиться за пронырливыми мышами, чего никогда бы не позволил себе в расцвете сил. Тайком от серых собратьев он разрывал сточившимися от времени когтями норы грызунов и радовался самой ничтожной добыче. Но не это было самым худшим. Привычный мир, окружавший зверя, переменялся. И не в лучшую сторону.

Небо над горами стало дрожать от рева стальных стрекоз, оставлявших после себя вонь и гарь. Этот рев заставлял волков прижиматься к земле, ползти на брюхе в поисках укрытия. Иногда стрекозы харкались огнем, и тогда горы тряслись, как во время схода лавин, а ущелья озарялись багровыми сполохами. На тропах, по которым раньше бродили пастухи, появились бородатые люди, обвешанные оружием. Следом за ними пришли мужчины в одинаковой одежде и тоже с оружием. Они убивали друг друга с яростью, неведомой волкам. Сладкий запах разлагающейся мертвечины пополз по ущельям вместе с туманом. Теперь найти пищу перестало быть проблемой. Но и сохранить жизнь стало трудней. Даже в глубоких норах и логовах, устроенных в расщелинах скал, волки не чувствовали себя в безопасности. Их своды дрожали и осыпались, когда в небе появлялись стальные стрекозы, умевшие плевать огнем.

И тогда молодой вожак решил увести стаю на равнину. Горы перестали быть домом для волков.

С наступлением весны, когда снег сошел с пастушьих троп, а на деревьях набухли почки, стая снялась с насиженных мест. Выстроившись цепочкой, ступая след в след, волки двинулись в сторону встававшего из-за гребня горных вершин солнца. Вскоре они стали похожи на муравьев, спускающихся по покатоному склону муравейника, а через минуту и вовсе исчезли.

Оставшись один, старик проводил своих серых собратьев долгим тоскливым воем. Волк остался в горах, которые по-прежнему считал своим домом. Он родился, охотился и слишком долго здесь жил, чтобы уходить вместе со всеми на равнину. Кроме того, он не был уверен, что там, на равнине, небеса не вздрагивают от рева стальных стрекоз, а воздух не пропах гарью и пороховым дымом. А если не уверен в этом, то зачем же тратить силы на долгий и опасный переход. Это были его горы, и волк никому не собирался их уступать.

Нынешняя дневная охота не задалась. Волк лишь приглушил голод несколькими пакостно пахнущими в зубах грызунами. На окраине рощи он нашел выбеленный ветрами и дождями рассыпавшийся скелет лошади. Исследовав находку, он понял, что этим голод не уто-

лишь. Покружив вокруг скелета, волк расшвырял ветхие кости лапой, перевернул носом череп с пустыми глазницами и тяжелой старческой трусцой двинулся вдоль опушки букового леса. Пробежав метров тридцать, волк остановился. В его желтых глазах отразились горные вершины. Хищник знал, что там, за каменной грядой, находится ущелье, по дну которого бежит дорога. Тяжело вздохнув, словно человек, которому предстоит нелегкая работа, волк еще раз осмотрелся и медленно затрусил по каменистому склону.

Подъем дался старому хищнику нелегко. Его впалые бока то вздымались, то опадали. Он часто останавливался, втягивая ноздрями воздух. Что-то скверное, пахнущее смертью пропитывало горный воздух. Иногда волк пригибал голову к земле, пытаясь обнаружить след возможной добычи. Но какой-то посторонний запах забивал ноздри хищника, мешал сосредоточиться.

Не подходя к обочине дороги, волк направился к скале, возле которой дорога резко поворачивала на север. Зажатая между склоном, поросшим лиственным лесом, и скалой, покрытой чахлым кустарником, дорога в этом месте походила на извивающийся змеиный хвост. Здесь шаг волка стал уверенным. В этих краях он знал каждый куст, каждую трещину в скале и каждую звезду на небе. Тут мать повела волчонка с пухом вместо шерсти на первую охоту. Недалеко от этого места было логово, где он появился на свет. Но волки лишены сентиментальности. Старик не совершал экскурсии по местам безоблачного детства. Хищник искал добычу, чтобы утолить изнуряющий голод, голод, выжигающий все внутри. Это испепеляющее чувство заставляло волка стискивать клыки при каждом урчащем звуке, возникающем внутри пустого желудка.

Добравшись до скалы, зверь, лавируя между кустами, поднялся к выступу, нависавшему над дорогой. Это была небольшая площадка с идеально ровной, отполированной ветрами поверхностью. Природа создала отличный наблюдательный пункт. Более того, она же позаботилась и об укрытии. Продолжением выступа была небольшая пещера, уходившая в недра скалы. По форме пещера напоминала лежащую на боку бутылку. Вход в нее был узким и длинным, как бутылочное горлышко, а главный зал достаточно просторным и вместительным. Иногда волк приносил сюда свою добычу, чтобы неспешно, в уединении и спокойствии, насладиться едой. Теперь такие фортели ему были не под силу. Да и достойной добычи не попадалось.

Добравшись до уступа, зверь лег. По пути он неосторожно наступил на засохший стебель чертополоха с тонкими, но твердыми колючками. Одна из игл впилась в лапу, но только сейчас волк почувствовал саднящую боль. Потряхивая головой, зверь принялся яростно выкусывать занозу. Справившись с ней, он положил морду на лапы и прикрыл глаза.

Внезапно шерсть на его загривке встала дыбом. Сначала он почувствовал запах. Вонь человеческого пота, оружейной смазки и еще десятка составляющих смешивалась в одну душную волну. Эта волна поднималась где-то в глубине леса напротив. Там она росла, набирала силы, чтобы, в конце концов, достичь ноздрей волчьего носа.

Повинуясь тысячелетнему инстинкту, зверь прижался к каменной поверхности выступа. В сумерках волк сливался со скалой, превращаясь в ее продолжение. Его глаза зорко следили за происходящим.

Он уже различал фигуры, мелькавшие среди стволов деревьев. Люди опускались на колени, снимали с плеч мешки и какие-то продолговатые предметы. Тихие металлические щелчки не сопровождались речью. Люди, среди которых были и бородачи, и совсем молодые, переговаривались скупыми жестами. Одни колдовали над железными трубами. Другие устанавливали какую-то штуквину с раскоряченными металлическими лапами. Третьи расползались по лесу, словно голодные вши по волчьей шерсти. Но зверь следил не за ними. Он наблюдал за группой людей, спустившихся к дороге.

Оказавшись внизу, группа разделилась. Двое направились на север от выступа, а двое — в противоположную сторону. На дороге остался стоять плотный, похожий на быка человек.

Волк подполз к краю выступа, чтобы получше рассмотреть чужака.

Человек был одет в пятнистую униформу. В руках он держал плоскую коробку, которую иногда подносил к губам, и что-то негромко говорил. Его голова с мясистым загривком все время вертелась, словно у пса, стерегущего отару овец. Четверо из его стаи, едва видимые в сумерках, копошились на дороге.

Волку хотелось привстать, чтобы лучше рассмотреть происходящее, но он знал, что этого делать нельзя. Можно было только ждать, пока люди уберутся и все успокоится. Но матерый хищник знал и другое – люди просто так не уходят. Они приходят в горы поохотиться и, как правило, в последнее время на таких же двуногих, как они сами.

Через несколько минут дорога опустела. Негромко свистнув, мужчина, в котором волк безошибочно определил вожака стаи, поздравил четверку соплеменников. Переговорив, они скрылись под кронами деревьев, но волк продолжал следить за их силуэтами.

Внезапно ему захотелось уползти, скрыться в глубине пещеры. Но порой губительное любопытство свойственно не только людям. Даже самый осторожный зверь попадает иногда в когти этого опасного чувства.

Волк не покинул свой наблюдательный пункт. Он лежал, распластанный на каменной поверхности выступа. Дорога змеилась тусклым отражением в его желтых глазах. Волк умел ждать. Умели ждать и люди, прятаясь в лесу. Ничто не выдавало их присутствия. Темный полумрак сгущавшейся ночи служил надежным укрытием и для зверья, и для людей. Казалось, мир застыл в безмолвии, которое ничто не может нарушить.

Но так длилось недолго. Сначала тишину нарушил глухой урчащий звук. Гул становился все сильнее. Он эхом бился среди каменных стен ущелья, и, казалось, лес отзывается на это шелестом своих ветвей. Гул нарастал, перерождаясь в надрывный рев. Колонна механических чудовищ, чадя своими вонючими двигателями, ползла по дороге. Желтые лучи света разрезали полумрак, а ветер гнал поднимающуюся пыль впереди нее.

Вторая колонна, зверь негромко зарычал. Шерсть на его загривке поднялась дыбом. Волк непроизвольно поднялся на передних выпрямившихся лапах. Его глаза то впивались в стену леса, то перебегали на ползущую внизу железную гусеницу колонны.

Волк видел, как из-за ствола дерева выглянул бородач. Он вскинул железную трубу, направив ее острый наконечник в сторону головной машины. Еще один приподнялся над кустарником, ожидая сигнала от вожака стаи.

А колонна продолжала свой путь. Вот она уже целиком втянулась в узкую горловину ущелья. Головная машина миновала поворот. Люди в лесу уже не старались остаться незамеченными. Некоторые вставали в полный рост, клацая затворами.

И тут волк понял, что произойдет дальше. Он слишком долго жил в горах, где шла война, а воздух пропах запахом мертвечины и пороховой гарью. Запрокинув голову, зверь протяжно завыл, словно оплакивая обезумевших людей, уничтожавших друг друга с неведомой даже хищникам жестокостью. Волк выл, не боясь привлечь к себе внимания. Он знал, что его никто не услышит, потому что за поворотом уже гроыхнул взрыв.

Глава 1

Капитан Верещагин отдал приказ:

– Бойцов на броню. Доложить готовность к движению...

Несколько часов назад Павла Верещагина вызвали в комендатуру района. По замыслу командования полк, в котором служил капитан Верещагин, должен был контролировать перевалы и тропы, ведущие в Грузию. С таким же успехом командование могло приказать десантуре вычерпать котелками море или погасить плевками солнце. В этих местах троп и тайных проходов было не меньше, чем дыр в швейцарском сыре. На основных маршрутах, конечно же, выставили блокпосты, но толку от этого было мало. С приходом весны «духи» начинали снова в горах, словно тараканы за нагретой печкой.

Но приказы не обсуждаются. И десантура парилась на сторожевых заставах, гонялась за боевиками, трясла подозрительные машины на блокпостах, работала по перехватам. Одним словом, занималась обыденной работой.

Капитан Верещагин командовал сводным подразделением, которое он сам не без юмора называл «пожарной командой». Подразделение могло быть поднято по тревоге в любой момент, чтобы прибыть на помощь атакованной заставе или отправиться на перехват банды, появившейся в горах. Группу быстрого реагирования создали по инициативе командира полка, прошедшего Афган и другие не менее горячие точки. Места были беспокойны. Поэтому отряд, готовый подняться по тревоге в любую минуту, был просто необходим.

Вызов в комендатуру Верещагина озадачил. Все дело в том, что на данный момент в его распоряжении находилось не более десятка бойцов. Накануне «духи» стали серьезно прижимать отдаленные сторожевые заставы, расположенные на юге района. Да и на грузинской стороне, по данным разведки, началось оживленное движение. Вдоль границы шастало не менее трех крупных бандформирований с вполне ясной целью – протупать на прочность позиции федералов.

Учитывая обстановку, командир полка решил усилить заставы на самых опасных направлениях людьми капитана Верещагина. Правда, сделано это было без ведома самого Верещагина, угодившего в столь неподходящий момент в медсанбат.

Он неудачно прыгнул с брони бээрдээмки, поскользнулся и растянул связки. Болячка для десантника пустяковая, но беда, как известно, не приходит одна. Вдобавок ко всему капитан ушиб ногу, заработав воспаление надкостницы. А этот недуг уже требовал внимания медицины. Чертыхаясь, проклиная на чем свет стоит скользкую чеченскую грязь, Верещагин оставил свою «пожарную команду» на молоденького старлея и отправился в медсанбат. Там ласковые руки медсестры-контрактницы и волшебные притирки хирурга, любившего замахать по вечерам стопарь неразбавленного спирта, сделали свое дело. Воспаление прошло, а растянутые связки напоминали о себе лишь тупой болью.

В комендатуре капитана уже заждались. Комендант, седой подполковник с зеленым от усталости и недосыпания лицом, сидел за столом. Он поприветствовал вошедшего, отхлебнул из стакана крепкий чай и произнес скрипучим голосом:

– Тут вот такая бодяга, Верещагин. Надо колонну сопроводить.

– Куда? – сев с противоположной стороны стола, спросил десантник.

– На базу наших соседей, – расстилая перед собой карту, ответил комендант.

Посмотрев, куда указывает палец полковника, Верещагин присвистнул:

– Чего это они окружными путями катаются? Здесь ведь не Садовое кольцо. Здесь бандос на бандосе и горы кругом. И потом, если груз соседям предназначается, то почему же они его не встречают?

Возмущение десантника было оправданно. Колонна действительно шла каким-то странным маршрутом. Вместо того чтобы прибыть напрямик на базу мотострелкового полка, квартировавшегося в соседнем равнинном районе, колонна делала крюк, словно стремясь на экскурсию по самым опасным местам.

Комендант почесал седую голову:

– Да, бардака у нас много. Я иногда сам не понимаю. Там, наверху, они головой или жопой думают. Или им карты Лермонтов рисовал.

Верещагин уважал коменданта. Старый служака тянул военную лямку честно. Но новая должность полковнику была не по нутру. Он привык командовать, командовать солдатами, а не пастухами, торговцами и земледельцами. Но это было еще полбеды. По ночам эти пастухи и земледельцы доставали из схронов оружие и долбили по блокпостам и казармам. Жизнь среди оборотней может испортить самый закаленный характер. Такое случилось и с комендантом. Он стал чаще, чем надо, прикладываться к стакану, а его юмор становился все более загадочным.

Недоуменно пожав плечами, Верещагин спросил:

– При чем здесь Лермонтов?

– Служил он на Кавказе. Тут нашего великого поэта и завалили, – с непонятным ожесточением в голосе ответил комендант.

Достав из накладного кармана куртки изрядно помятую пачку сигарет, Верещагин достал одну, закурил и, со смаком затянувшись, выпустил клуб дыма, пряча в сизом облаке улыбку:

– Так ведь свои же убили. Михаил Юрьевич на дуэли погиб. И карты он отродясь не рисовал. Все больше поэмы пописывал. Да и потом, убили его в Пятигорске, далече от этих мест. А сюда во времена Михаила Юрьевича русские носа не показывали. Тут имам Шамиль правил.

Короткая лекция по истории и русской литературе подействовала на коменданта не самым лучшим образом. Он скривился, словно от приступа язвенной болезни, замахал руками, пытаясь разогнать табачный дым, и вдобавок опрокинул стакан с недопитым чаем. Стакан хрястнулся о пол, но не разбился. Он лишь прокатился к двери, оставляя за собой бурый след выливающейся жидкости, похожей на разбавленную соляжкой кровь.

Навалившись грудью на стол, полковник прохрипел:

– Какая на хрен разница, где и кто грохнул поэта. Вот ты, Верещагин, умный, образованный, а не понимаешь, что есть места на земле, где люди всегда убивали друг друга. Может, Бог на такие места наложил проклятие, а может, тут атмосфера такая. Не знаю... Но как сто пятьдесят лет назад здесь гарцевал Шамиль, так все и осталось по-прежнему. Как резали людей, точно баранов, так и режут. Разве что тогда в Петербурге чечены гостиницами не владели и рынки не контролировали. А во дворцах и министерствах взятки от чеченов не брали. Да и казачий разъезд за мзду хрен бы повозку с порохом для теракта пропустил бы. Попробуй какой чеченец предложи... Через миг башка на казачьей пике торчала бы. А сейчас гаишники и менты самосвалы с гексогеном пропускают. – Комендант ожесточенно сплюнул себе под ноги.

Выпустив пар, полковник быстро успокоился. Он не любил попусту сотрясать воздух. Смахнув со стола остатки разлитого чая, комендант взглянул на развернутую карту. Никакой необходимости в этом не было. Район и прилегающие к нему окрестности комендант знал хорошо. Но он словно старался увидеть на бумажной простыне что-то невидимое, что-то такое, о чем позабыли топографы. Молчание затянулось.

Верещагин прикурил от уже обжигавшего пальцы окурка вторую сигарету и посмотрел в окно. Из него открывался вид на глухой двор, обнесенный бетонным забором, за которым располагался первый периметр обороны с укрепленными огневыми точками, дозорными вышками и тому подобными строениями, обеспечивающими безопасность для представителей федеральной власти. Впрочем, безопасность эта была призрачной. Эта самая безопасность вместе со стенами комендатуры и прилегающих к ней построек могла взлететь в любой момент

на воздух вместе с машиной, начиненной пластидом, за рулем которой сидел бы приготовившийся к встрече с Аллахом шахид.

Взяв слегка фамильярный тон, капитан обратился к коменданту:

– Послушайте, Семенович, мне разрешение командира полка требуется.

Комендант махнул рукой:

– Уже получено.

– А поддержка с воздуха? – вежливо поинтересовался Верещагин.

Комендант наигранно задохнулся от возмущения:

– Какая поддержка! У тебя колонна из трех машин. Проскочишь только так. «Вертушки» в другом месте нужнее. Сам знаешь, что на южных заставах творится.

Идти без прикрытия с воздуха было нарушением инструкции. После расстрела отряда омовцев и ряда нападений на караваны машин командование запретило проводку колонн без соответствующего сопровождения. Но извечная русская расхлябанность сильнее любого приказа и инструкции. В этом богом забытом районе, как и по всей территории Чечни, инструкции очень часто не выполнялись. Кроме того, Верещагина успокаивало еще одно обстоятельство – по трассе следования до сих пор не случилось ни одного подрыва. То ли боевикам была не интересна каменистая дорога, петлявшая между скал, то ли они сами слишком интенсивно пользовались этой дорогой, но фугасов на ней не ставили. Но для порядка десантник все же полюбопытствовал:

– Саперы разведку, конечно же, не проводили.

– Не проводили, – подтвердил полковник. – Но если настаиваешь, то можем пустить впереди колонны трал.

– С этим утюгом мы до скончания века кандыбать будем, – отверг неприемлемый вариант Верещагин.

– Это точно. Скорости вам это не прибавит.

– Значит, пойдем вслепую.

Комендант вновь завелся. Он вскочил и начал шагами мерить комнату. Было видно, что задание и ему не слишком нравится, что на полковника кто-то надавил сверху, кто-то отдал невразумительный, непродуманный приказ, преследующий какую-то сумасбродную цель. Но приказы в армии не обсуждаются. Кроме того, полковник ждал перевода на спокойную должность в тихий зауральский город, где в пригородном районе доживала свой век мать-старуха, а местную власть возглавлял одноклассник, с которым они сидели за одной партой. Так что еще до выхода в отставку полковнику были бы гарантированы несколько лет спокойной и достойной жизни, за которые можно было бы подготовиться к пенсии.

– Вслепую, Верещагин, котята слепые ползают. А ты – десантура. Бог войны.

Капитан быстро уточнил:

– Богом войны артиллерию кличут.

– Не придирайся к словам. То урок литературы мне преподаешь, то с расспросами занудливыми пристаешь. У меня и так голова кругом идет. Проблем с населением выше крыши. «Сверху» докладов об успехах строительства мирной жизни требуют. Призывают соблюдать законность. А как эту самую мирную жизнь строить и законность соблюдать, даже в Москве толком не представляют. Референдумы, выборы какие-то долбанные устраивают. Нет, капитан. Тут только один метод – мочить в сортире без передыху.

Десантник, которого этот разговор уже стал утомлять, веско заметил:

– Так ведь без малого двести лет мочим, а толку никакого. Как хватались «чехи» при каждом удобном случае за оружие, так и хватаются.

Кулак коменданта резко опустился на поверхность стола. Верещагин даже слегка вздрогнул от грохота.

– Значит, еще двести лет надо приучать чеченов к мирной жизни. Без всяких там выборов-шмыборов. А то на референдуме они нового Дудаева выберут, и закружится карусель по-новому. Нефиг в демократию играть. На войне как на войне. Кто сильнее, тот и правила устанавливает. А не хочешь по правилам победителя жить, добро пожаловать в сортир, где с тобой сделают то, что обещал наш президент. Вот и вся политика...

Через двадцать минут после разговора с комендантом капитан Верещагин стоял на месте формирования колонны. Два «ГАЗ-66» и «Урал» прятались в тени деревьев, росших на краю площадки. Возле машин лениво слонялись солдаты. По их не очень утомленным лицам можно было понять, что предыдущий отрезок пути не был слишком изнурительным. Только водитель «Урала», спрятавшись под открытым капотом, громко матерился.

Подойдя поближе, Верещагин спросил:

– Что, боец, ворчишь? Всех ворон своими матюгами распугал.

Из-под капота показалась чумазая физиономия водилы. Его мальчишечье лицо с оттопыренными ушами выражало высшую степень недовольствия. Увидев перед собой офицера, водила шмыгнул носом, провел рукой по лицу и вяло сообщил:

– Движок как-то калечно пашет. Как перед рейсом соляру залил, так он и закапризничал. Может, форсунки забились. Как вы думаете, товарищ капитан?

Под носом у водилы образовалась черная маслянистая полоса. С таким камуфляжем мальчишка стал похожим на артиста из самодеятельного театра, которому выделили несуразную роль усача-гусара.

– Думать тебе, воин, положено. Ты на «Урале» рассекаешь. Вот и присматривай за своим железным конем. – Добавив металла в голосе, Верещагин приказал: – Ты, воин, языком по губешкам не стучи, а давай-ка побыстрее ликвидируй неисправность. Скоро начнем выдвигаться, и если по твоей милости застрянем... – Капитан сделал многозначительную паузу, придав зверское выражение лицу, – ...запрягу вместо ишака и потянешь «Урал» на собственном горбу.

Солдат робко хихикнул, не зная, как воспринимать сказанное суровым десантником. Ведь в каждой шутке есть доля правды. А на войне определить эту самую грань довольно трудно. Нырнув под капот, водила яростно загрохотал железками.

Верещагин продолжил обход. Он уже знал, что БМП, стоявшие неподалеку от машин, уйдут обратно. Что сопровождать колонну придется только его десантникам, а значит, и ответственность делить будет не с кем. Впрочем, Верещагин и не привык надеяться на кого-либо. Он был настоящим десантником, жившим по принципу: «Если не мы, то кто?», усвоенному еще в Рязанском училище.

Но это странное задание, а точнее, его поспешность и непродуманность, не давало Верещагину покоя. К выходам, операциям, рейдам он привык готовиться основательно, с учетом всех особенностей предстоящего дела. Лишняя поспешность могла обернуться большой бедой. Верещагин же не любил подставлять ни своих людей, ни собственную голову. Риск он старался свести к минимуму. При разработке деталей предстоящей операции был въедлив до мелочей, как инспектор таможенной службы, шмонающий багаж контрабандиста.

Когда-то эту особенность отметил командир полка. При выборе позывных комполка с ходу выдал:

– Фамилия у тебя знатная – Верещагин. Как у героя из кинофильма «Белое солнце пустыни». Основательный мужик, надо сказать, был. Я в юные годы даже подражал ему. Говорил с хрипотцой и стакан мог захватить без закуски. Да... – мечтательно протянул комполка, зажмурившись. Затем, стряхнув видения безвозвратно ушедшей юности, сказал как отрезал: – Значит так, Верещагин, твои позывные будут Таможенник.

По молодости, тогда еще лейтенанту, такие позывные показались обидными.

Коллег в радиоэфире распознавали по более грозным наименованиям, в которых чаще фигурировали хищники или ядовитые твари со смертельным укусом. Но потом Верещагин оценил преимущества своих позывных. Он даже обнаружил в них какой-то потаенный смысл, подтекст. Таможенник, рассуждал он, обязан всякую дрянь задерживать. Быть на первом рубеже обороны государственных интересов. Так и поступал киногогерой, державший границу вдоль побережья Каспийского моря на замке. Правда, нынешние таможенники мало походили на мужественного персонажа фильма. Нынче они стремились хорошенько подоить и государство, и его граждан. Но десантник зарубежные вояжи не совершал и с нравами наследников Верещагина знаком не был. Так позывной Таможенник стал вторым именем капитана. Он даже откликнулся на него во время застолий, которые иногда устраивали офицеры полка.

Даже комполка, вручая капитану орден «За мужество», оговорился:

– Заслужил крест, Таможенник! Но, услышав за спиной сдавленный смех начальника штаба, комполка тут же поправился: – Поздравляю, Верещагин, с первым орденом!

С тех пор радиопозывной приклеился к капитану намертво и превратился в его второе имя. Он привык к подколкам приятелей. На каждой дружеской попойке находился весельчак, который в сотый раз вопрошал:

– А за державу не обидно?

На что десантник незлобиво отвечал:

– Родину, как и друзей, не выбирают. – И, упреждая следующий стандартный вопрос, добавлял: – Мзды я не беру. Поэтому добавки не будет. И лучше, чем языком чесать, налегай на водочку, пока она имеется в наличии.

Обычно после этого штатный юморист умолкал, поглядывая по сторонам. Товарищи Верещагина умели и воевать, и выпить. Причем если война в этой богом проклятой республике никак не заканчивалась, то водка на совместных офицерских посиделках испарялась с невиданной быстротой.

Обойдя замызганный грязью «газон», капитан столкнулся нос к носу с незнакомцем. Всех офицеров комендатуры Верещагин знал наперечет. А тут перед ним стоял упитанный мужчина, затянутый в новехонький камуфляж. Комплекцией он походил на добродушного артиста, рекламировавшего пиво «Толстяк». Вот только взгляд у незнакомца был неприветливым и колючим. Виски мужчины сияли благородной сединой. Пахло от незнакомца дорогим табаком и хорошим одеколоном.

Смерив Верещагина взглядом, мужчина вальяжно процедил:

– Что вам здесь нужно, капитан?

– Этот же вопрос могу задать и я, – не привыкший к подобному обращению, отрубил десантник.

Надменно выпятив нижнюю губу, незнакомец сообщил:

– Я подполковник Кривонравов из штаба объединенной группы войск.

Приняв подобие предусмотренной в таких случаях уставом стойки, капитан вяло откозырял:

– Здравия желаю, товарищ подполковник! Капитан Верещагин прибыл в ваше распоряжение.

Десантник уже знал, что именно этот холеный штабист привел колонну в их район. Он так же был проинформирован комендантом, что товарищ из штаба в горы не пойдет, а ближайшей «вертушкой» вернется в Ханкалу. Подобный расклад явно не внушал симпатии к вальяжному подполковнику. Поэтому десантник особо не вытягивался в струнку перед штабистом, которого неизвестно каким ветром занесло в эту глухомань.

Кривонравов, напротив, неожиданно расцвел улыбкой и протянул руку для уже неформального приветствия. Ладонь подполковника была влажной и холодной, словно лягушка, пойманная под смородиновым кустом.

– А, Верещагин... Наслышан. Наслышан... – с фальшивым добродушием протянул штабист. – Значит, ты колонну охранять будешь?

– Так карта легла, – неопределенно хмыкнул десантник.

– Ну, работенка правая. У вас, я знаю по сводкам, обстановка спокойная. Подрывов на дорогах не наблюдается. Только на южном направлении бандформирования активничают, – блистал осведомленностью подполковник. – Но это далеко от маршрута движения.

Верещагин едва сдержался, чтобы не послать старшего по званию и должности офицера туда, куда Макар телят не гонял. Десантник терпеть не мог таких всезнаек из уютных штабных кабинетов. У них на бумаге всегда все получалось гладко. За проваленные операции они отделывались взысканиями или переводами на другие должности, а такие пахари войны, как капитан десантников, платили по максимуму: своими жизнями и жизнями подчиненных.

Сейчас особых причин лезть на рожон не было. Поэтому Верещагин еще раз поинтересовался:

– Что за груз везете?

Подполковник неожиданно стушевался. Он как-то съежился, а его глаза блудливо забегали. Достав из кармана куртки пачку «Парламента», он предложил:

– Закуривай.

Десантник вежливо отказался:

– Спасибо. Ваша травка для меня слабовата. Я люблю табачок позабористее. Так что за груз везем, товарищ подполковник?

Минуту Кривонравов делал вид, что не слышит. Он ожесточенно чиркал зажигалкой, которая полыхнула огнем с первого раза. Верещагин успел рассмотреть довольно дорогой прибор, служащий для добывания огня. Это была солидная вещица, которую любят иметь в своем арсенале преуспевающие бизнесмены и чиновники, разжиревшие на взятках. Заключенный в корпус из восемнадцатикаратного золота, механизм никогда не давал сбоев. Огонек на патентованном фильтре, пропитанном особой жидкостью, появлялся даже на самом сильном ветру. Такие зажигалки Верещагин видел в рекламных проспектах фирмы «Данхилл», работающей, как известно, для удовлетворения потребностей богатых людей планеты. Но у этого экземпляра была своя особенность. Ее десантник сумел рассмотреть, когда штабист неосторожно выпустил дорогую вещицу из рук. Налетевший порыв ветра отогнул полог брезентового тента, хлестнувшего Кривонравова по щеке.

Тот, схватившись за щеку, завопил:

– Закрепить тент как следует не можете! Водителя немедленно ко мне! Раздолбаи несчастные! Понабирали имбецилов в армию. Ничего толком сделать не могут.

На крик появился испуганный солдатик, похожий на одетого в униформу дрессированного мышонка. Но капитан нерадивого водилу не видел. Он рассматривал золотую зажигалку, которую поднял из придорожной пыли. Особенно его заинтересовали бока зажигалки, украшенные богатой гравировкой. На одной стороне было изображено здание с куполом и полумесяцем на шпилье, на второй – причудливый узор сплетался в арабскую вязь.

– Изречение из Корана, – произнес вслух догадку Верещагин.

– Да черт его знает. Я этих каракулей не понимаю, – где-то над ухом хмыкнул подполковник.

– А это, похоже, мечеть какая-то...

– Без пол-литра эту мусульманскую архитектуру не расшифруешь, – залиvisto расхохотался подполковник.

Пальцы штабиста ловко впились в зажигалку, и через долю секунды дорогой предмет исчез в кармане Кривонравова.

«Трофейная штукавина. Кто-то изъял безделушку у какого-нибудь убитого эмира. Наигрался, а потом преподнес в качестве презента этой штабной крысе. Вот только за какие

заслуги? Или скорее услуги, – рассуждал Верещагин, воскрешая в памяти необычную зажигалку. – Да, действительно, кому война – беда, а кому лучше матери родной. Погужется этот подполковник в Ханкале еще немного, получит внеочередное звание. А там и до генеральских погон рукой подать. Мужик-то еще не старый. Опять же, пару дырок на кителе под ордена подготавливает. Им, штабным, это дело проще организовать. Приедет домой героем войны. И презентовать с собой вроде этой зажигалки привезет немерено. Да и с выплатой боевых у него проблем не будет. Одним словом, вернется товарищ Кривонравов в полном шоколаде. Как постареет, будет в школы ходить, рассказывать детишкам о восстановлении конституционного порядка на территории мятежной республики. А может, политикой займется. У нас народ военных любит. Доверяет людям в погонах. Станет главой районной администрации или, бери выше, депутатом Государственной думы. Будет с умным видом бумажки пописывать и бюджетом распоряжаться. А по праздникам будет появляться на публике с регалиями».

Неожиданно Верещагину стало стыдно от собственных мыслей. Он ничего не знал про человека, стоявшего напротив. А повод в виде золотой зажигалки был слишком незначительным, чтобы даже в мыслях давать скверную оценку настоящему и будущему подполковника Кривонравова.

Сам капитан в качестве трофеев признавал только оружие, найденное у боевиков. Деньгами, вещами и прочими предметами брезговал и солдатам мародерством заниматься запрещал. Но в уставе ничего не прописано насчет трофеев. А военного прокурора к каждому солдату, не желающему возвращаться домой голодранцем, не приставишь. Так что Верещагин решил не осуждать штабиста, успевшего слегка обогатиться на войне.

– О чем задумался, капитан? – Голос подполковника вывел десантника из задумчивости.

– Людей у меня маловато, – ответил Верещагин.

– Знаю. Комендант доложил. Возьмешь БМП и пяток солдат из моего резерва. Больше ничем помочь не могу, – картинно развел руками Кривонравов.

Капитан невесело усмехнулся:

– И на том спасибо.

– Лады. Не теряй времени. Вам засветло добраться надо. В горах темнеет рано, а путь все-таки не близкий, – с неожиданной заботой в голосе произнес гость.

– Разрешите идти?

– Идите, товарищ капитан, – сухо, по-уставному произнес подполковник.

Повернувшись, Верещагин чувствовал тяжелый взгляд подполковника, уткнувшийся в его спину двумя незримыми спицами. Этот взгляд скользил по подтянутой фигуре десантника, точно щупальца осьминога, присматривающегося к своей потенциальной добыче.

«А все-таки неприятный тип», – подумал капитан, направляясь к БМП, возле которой отдыхали мотострелки. Но навалившиеся заботы быстро стерли в душе неприятные эмоции, вызванные встречей с человеком, передоверившим ему колонну.

Остаток утра прошел в приготовлениях. Верещагин нещадно торопил и своих десантников, и вновь прибывших. Особенно беспокоил его дизельный неповоротливый «Урал» с лопухим водителем. Но парень оказался толковым. Уже через двадцать минут он доложил об устранении неисправности.

Механики-водители по очереди докладывали о готовности к движению. Боевая разведывательная машина десанта уже пыхтела черными клубами отработанного топлива работающего на холостых оборотах двигателя. Машина, идущая в авангарде колонны, ждала своего командира.

Окинув взглядом колонну, Верещагин решительной походкой направился к бээрдээмке. Через секунду колонна ожила, превратившись в механическую змею, фыркающую выхлопными газами. Опустившись в люк, Верещагин махнул рукой.

Колонна начала движение.

Глава 2

Первая половина пути была проделана без особых проблем. Марш проходил размеренно, в четком соответствии с графиком, составленным Верещагиным.

Через несколько часов движения местность начала резко преображаться. Горизонт стал уползать вверх, а двигатели машин натужно ревели, взбираясь по пока не очень видимому подъему. Дорога, по которой двигалась колонна, поднималась в предгорья.

Старшина отделения, здоровяк двухметрового роста, сидел на броне бээрдээмки, положив на колени автомат. Родом из глухой сибирской деревни, старший сержант Васильев был прирожденным десантником. В подразделении его любили за спокойный нрав, а уважали за недюжинную силу.

Но однажды капитан Верещагин спас сержанта от трибунала. Пятеро перепивших контрактников прицепились с претензиями к ребятам из отделения Васильева. Десантники только начинали службу в Чечне. Несмотря на присущую их роду войск изначальную гордость и даже некоторую заносчивость, парни были необстрелянными новичками. Заматеревшие контрактники сразу это почувствовали. Они вычислили парней возле полевой кухни, развернутой на краю аэродрома. Взяв ребят в кольцо, они оттеснили десантников к отдаленному строению, примостившемуся за краем поля аэродрома. Прижав парней к стене дощатого барака, «контрабасы» с расплавившимися от водки мозгами изгалялись, как могли.

– Ну че, «духи», до дембеля вы не доживете, – загибая пальцы веером, гнусавили контрактники.

– Пошли вы куда подальше, «контрабасы» долбаные, – поддерживая честь ВДВ, огрызались самые смелые из новобранцев.

Беседа плавно перетекала в драку с неизвестным финалом. Как на грех, никого из офицеров, способных пресечь это безобразие, рядом не наблюдалось. Уже брызнула первая кровь из разбитых носов, когда на горизонте нарисовался сержант Васильев.

– Хорош, «гансы», выпендриваться. Идите дальше синьку давить. – Сержант предложил миролюбивый вариант разрешения конфликта.

Вместо переговоров один из самых ретивых контрактников залिमонил Васильеву под глаз. Тот, даже не охнув, перехватил буяна в пояснице, поднял в воздух и, действуя словно тараном, всадил контрактника головой в стену. Подгнившие доски не выдержали. Контрактник улетел в образовавшийся пролом со скоростью торпеды. Очень скоро туда же последовали и остальные. Вскоре из хлипкого сооружения донеслись пронзительные вопли.

Но еще нестерпимее, чем бьющий по ушам крик, была удушливая вонь, расплзавшаяся по всему аэродрому. Барак оказался стандартным люфтклозетом, сортиром, возведенным еще в первую чеченскую войну. Отхожим местом пользовались поочередно федералы, боевики генерала Дудаева, а затем вновь федералы. По обычной армейской расхлябанности выгребные ямы никто не чистил, так что естественных выделений там накопилось предостаточно, чтобы утонуть. Когда на крики, заглушавшие гул взмывающих в небо «вертушек», сбежалось пол-аэродрома, зрителям открылась одновременно уморительная и страшная картина. В дерьме барахтались моментально протрезвевшие контрактники, а сержант Васильев протягивал утопающим обломок доски.

Общими усилиями наглецов удалось вытащить. Но делом заинтересовалась военная прокуратура: началась очередная кампания по повышению морального облика военнослужащих и укреплению уставных взаимоотношений в объединенной группе войск.

В подразделение капитана Верещагина зачастил военный дознаватель. Крашеная блондинка с весьма соблазнительными формами, выпускница юридического факультета, решившая

посвятить себя военной службе, вызывала на допросы участников инцидента. Особенно часто ей требовались объяснения капитана Верещагина.

Офицеры посмеивались:

– Смотри, Верещагин, девка-то в самом соку! А ты у нас офицер боевой, да и парень видный. Лови момент! Удовольствие получишь и сержанта от дисбата спасешь.

Капитан в тон отшучивался:

– Нереально. Я рыженьких люблю.

Но так или иначе, а военный дознаватель представила в бумагах десантников в самом выгодном свете. Прокурор счел дело неперспективным, предпочитая не раздувать скандал. Тем более что о купании в дерьме опухших от водки контрактников уже слагали легенды.

Было что или не было у капитана с блондинкой, никто не знал. Ровно через месяц «уазик» прокуратуры, в котором ехала женщина, попал под обстрел. Чеченский снайпер аккуратно продырявил скаты, а когда пассажиры машины стали расплзаться по кустам, поймал в перекрестье оптического прицела модную укладку блондинки. Пуля попала девушке чуть выше переносицы. Больше из пассажиров «уазика» никто не пострадал.

С расспросами к капитану Верещагину также никто более не приставал. У десантников не принято копать в личной жизни погибших. А Васильев прикипел к капитану всей душой. После памятной драки и последовавшего разбирательства он чувствовал себя должником командира.

... Колонна замедлила движение. Она ползла по серпантину на предельно низкой скорости. Головная машина миновала мост, перекинутый над узкой, но бурной речушкой. У моста были начисто снесены перила, а каменные опоры поставили еще в незапамятные времена. Сооружение выглядело как архитектурный памятник давно ушедшей эпохи. Но Верещагин знал, что грузоподъемность моста вполне позволяет пройти тяжелой колесной технике и бронетранспортерам. В прошлом году в этих местах произошло боевое столкновение с крупным отрядом полевого командира по кличке Сулейман. Банду рассеяли, но часть боевиков спряталась под опорами моста. Они отстреливались до последнего, а трупы боевиков уносила ледяная вода. С тех пор места эти пользовались недоброй славой.

Верещагин видел, как напряглись лица солдат. Сержант Васильев поправил лежащий на коленях «калаш». Повернувшись, он пытался рассмотреть хвост колонны.

– Скоро мертвый аул, – не поворачивая головы, сказал сержант.

– Знаю, – откликнулся капитан.

Они упомянули о еще одной достопримечательности здешних мест. В трехстах метрах за мостом располагалось покинутое селение. Если бы в Чечне был мир, сюда привозили бы туристов, любящих мрачные легенды и исторические предания. Когда-то, в глубокой древности, или, как говорится, до Всемирного потопа, тут обитал могучий тейп. Его старейшины не признали власть имама Шамиля. Имам набирал в свою армию молодежь для борьбы с неверными. А старейшины не хотели и слышать о какой-то войне, бывшей еще так далеко. Тогда имам прислал в селение посланников. Им отвели лучшую саклю, зарезали самых жирных баранов и после угощения предложили отдохнуть: мудрые старейшины предпочли перенести тяжелые переговоры на утро. Переговоры ни к чему не привели. Старейшины не желали жертвовать молодежью ради священной войны.

Пригрозив невиданными карами, посланники имама отправились восвояси, но до ставки Шамиля не добрались. По дороге посланников перехватил казачий отряд, совершавший по тылам противника глубокий, как сейчас бы сказали, диверсионный рейд. В скоротечной стычке все мюриды погибли, а Шамиль получил формальный повод привести упрямый тейп к покорности. Он обвинил старейшин в предательстве и сотрудничестве с русскими. Часть молодежи Шамиль переманил к себе. Непокорных же вырезал как баранов. Самые упрямые поднялись еще выше в горы, не желая делиться своей свободой ни с жестоким имамом, ни с иноверцами.

Заброшенный аул опустел. Место это среди местных считалось проклятым, и никто тут, кроме дикого зверья, не селился.

Была и другая версия, более простая и понятная. Ее Верещагин слышал от начальника медицинской службы полка, мужика чрезвычайно эрудированного и лишенного всяческих исторических сантиментов. Так вот, начмед сообщил:

– Ты, Верещагин, за своими мальцами присматривай. Здешние края довольно паскудные.

– В смысле? – не понял тогда капитан.

– Тут природный очаг холеры находится. Лет двести тому назад эта зараза многих местных выкосила. Целые селения к Аллаху на свидание семьями отправлялись. Потом эпидемия прекратилась. А в двадцатые годы прошлого века вновь вспыхнула.

– И что? Ничего про это не слышал, – признался капитан.

Начмед, задумчиво глядя куда-то в сторону, закончил:

– Русские врачи эпидемию остановили. Моя бабка по материнской линии здесь эпидемиологом пахала. Несколько природных очагов локализовали, вакцинацию провели. В общем, спасли гордых горцев от глобального переселения в райские кущи. А у потомков память коротенькой оказалась. Или аксакалы не успели легенды про таких, как моя бабка, сложить. Быстро забыли. – Начмед не слишком весело усмехнулся и добавил: – Хорошо, что старуха не дожила до нынешнего беспредела. Умерла с чувством выполненного долга. До конца жизни верила в нерушимую дружбу советских народов. – Взволнованный воспоминаниями начмед достал из сейфа неприкосновенный запас в виде бутылки спирта, разлил голубоватую жидкость по стаканам и командирским тоном велел: – Давай, капитан, продезинфицируемся. Холера – дама коварная. Неизвестно, когда проснуться пожелает. Так что ты своим бойцам водичку сырую из ручьев в тех местах не очень-то пить позволяй. Война и холера парами гулять любят...

Рассматривая развалины домов, выплывавших навстречу бээрдээмке, Верещагин вспоминал тот разговор с не знающим сантиментов начмедом. Вид поселения наводил на мрачные мысли. Нет, капитан менее всего был подвержен мистике. Он вряд ли испугался бы, увидав на этой дороге призрак самого имама Шамиля. Но вот живые последователи дела борьбы с неверными десантника беспокоили всерьез.

– Васильев, будь повнимательнее, – выбираясь на броню, произнес капитан.

Лица солдат были тревожными. Аул представлял собой идеальную диспозицию для засады. Обломки стен торчали, словно гнилые зубы в пасти гигантского хищника. Выше домов на склонах гор торчали каменные башни, служившие некогда пунктами обороны. С вершин этих башен в любую минуту могли ударить гранатометчики, а из любого проема древних развалин – хлестнуть огнем крупнокалиберный пулемет.

Машины въезжали в аул, соблюдая дистанцию. Рыжая пыль вылетала из-под колес, чтобы осесть ржавой пеленой на броне, брезентовых тентах и лицах солдат.

– Гиблое, ой, гиблое местечко, – шептал сидевший рядом с сержантом боец по кличке Стропа. Прозвище он получил за высокий рост и худобу. Но на самом деле это был крепкий, будто свитый из стальных жил, парень. – Как тут люди могли жить? Куда угодно рожу поверни – везде камень.

Васильев, держа на изготовку автомат и зыря по сторонам настороженным взглядом, прошипел:

– Задрал ты, Стропа, своим карканьем! Привык к своим приволжским степям.

Уроженец равнинных просторов вздохнул:

– У нас просторно. Куда ни глянь, до горизонта все открыто глазу. А тут, как в каменной могиле. Даже дышать трудно.

– Это воздух разреженный. И каши сегодня на завтрак ты перехавал. Вот тебе дышалку и сперло.

Капитан прислушивался к пикировке бойцов, но бдительности не терял. Его глаза пылливо ощупывали каждую развалину, каждый камень. Но все вокруг дышало безмятежностью. Какое-то могильное спокойствие окутывало давно покинутый аул.

Скорее для порядка, чем по необходимости, Верещагин приказал:

– Отставить разговорчики!

Сержант незамедлительно откликнулся:

– Во, и я говорю: раскудахтался Стропа, как курица на жердочке.

Колонна покидала аул. Общее напряжение спадало. Нигде не мелькнуло даже тени. Самое опасное место маршрута колонна прошла на одном дыхании. Верещагин заметно повеселел. Сейчас можно было расслабиться. Но эта пустота в то же время могла вызвать опасное чувство, притупляющее бдительность. А на марше каждая оплошность могла обернуться бедой.

Верещагин спустился внутрь бээрдээмки. Настроив рацию, капитан вышел на связь. Рация довольно устаревшей конструкции в горах работала нестабильно. Не раз десантники завидовали белой завистью боевикам. У них координация велась по новейшим средствам. Коротковолновки, спутниковые телефоны, сканеры радиоэффира системы «GPS» были обычными вещами для боевиков. О таком изобилии технических средств федералы могли только мечтать.

В наушнике раздалось сухое потрескивание, точно кто-то невидимый ломал там пригоршню спичек. Поднеся ларингофон к губам, капитан произнес:

– Изба, ответьте Таможеннику.

«Избой» именовали командный пункт, куда через определенные промежутки времени следовало докладывать о продвижении колонны.

В наушнике что-то хрюкнуло, и искаженный голос бодро сообщил:

– Вас слышу, Таможенник. Прием.

– Прошли мертвый аул. Движемся по графику. Прием.

– Понял вас, Таможенник...

– Выйду на связь в установленный срок.

– Понял вас...

– Все. Конец связи. – Капитан снял с головы шлемофон и закрыл глаза.

Мерный рокот двигателя стальной коробки, внутри которой находился Верещагин, убаюкивал. Воспоминания сами собой всплывали в памяти. Почему-то ярче всего предстал перед глазами короткий, но очень важный эпизод из курсантской жизни.

Верещагин вспоминал, как он и его закадычный дружок Сашка Бойцов идут по взлетному полю с тяжеленными уложенными парашютами типа «Д-18». Перед ними выруливают на взлетную полосу самолеты «Ан-12». Скоро вся рота первого курса Рязанского училища ВДВ разобьется на девятки и вместе с выпускающим займет свои места в самолетах. А потом «Аннушки» взмоют в небо, наберут высоту и выйдут в район выброски.

Первый прыжок, как и первая любовь, никогда не забудется.

Верещагин всегда помнил то упоительное чувство восторга, охватившего его под куполом раскрытого парашюта. Потом будут прыжки и посложнее, но первый всегда остается первым.

Из сладкого забытья Верещагина вырвал глухой скрежет. Скрежет прорывался сквозь броню вместе с криками солдат, находившихся снаружи. Словно распрямившаяся пружина, капитан выбрался из люка. Даже мимолетного взгляда на колонну было достаточно, чтобы понять происходящее.

Машины на крутом серпантине сбросили темп. Такой расклад действовал на водил лучше любого снотворного. Лопоухий парень, руливший «Уралом», видимо, прикемарил. На крутом склоне он не довернул руль, и многотонная махина, перескочив обочину, поползла вниз по

склону. Из-под ее бешено вращавшихся колес градом вылетали камни. «Урал» должен был неминуемо перевернуться. Но вопреки всем законам физики, гравитации и еще черт знает чего машина остановилась, прочертив на склоне весьма изящную дугу. Постояв секунду, «Урал» плавно сполз на нижнюю петлю серпантина.

Лопоухий боец кулем вывалился из кабины.

Подбежавший прапорщик, солидный мужик лет сорока пяти, схватил лопоухого за ворот выцветшей куртки.

– Ты что, убище, угробиться захотел?! Тебя какая дура родила?!

С бэтэра посыпались пехотинцы, желающие воочию увидеть происходящее. Солдаты толпились на обочине, глядя сверху на «Урал» и опустившегося на колени лопоухого. Только десантники оставались на своих местах.

– Поспать на марше вздумал! – щедро отвешивая оплеухи, вопил прапор.

Но лопоухому было все равно. Солдатик раскачивался из стороны в сторону, погруженный в шоковое состояние. Его лицо ничего не выражало, кроме крайней степени страха, отключающего рефлексы и инстинкты.

Подоспевший Верещагин дернул прапора за плечо:

– Хорош голосить! Не в казарме.

Возбужденный прапорщик, решивший провести воспитательную работу на матюгах и зуботычинах, неожиданно взъярился:

– Я за груз отвечаю! Так что, капитан, иди ты...

Ладонь Верещагина вдруг превратилась в стальной захват. Он с силой сжал плечо прапора. Тот ойкнул, а его ноги согнулись в коленях. Заглядывая в глаза разбушевавшемуся воспитателю, Верещагин почти ласково произнес:

– А я и за груз, и за машины, и за людей отвечаю. Так что не возбуждай, товарищ прапорщик. И не забывай, что с офицером разговариваешь. – Чуть смягчившись, десантник добавил: – До седых волос дожил, а держать себя в руках не научился. Вопишь, как проститутка, которой не заплатили. Парень и так обделался по самые уши. Видишь, какой корчь его пробил. На ногах стоять не может.

Лопоухому действительно было плохо. Бледный как мел, он сидел на земле и что-то нечленораздельно мычал.

– Дайте бойцу воды. Авось оклемается, – скорее попросил, чем приказал Верещагин.

Он обошел машину, проверяя состояние «Урала». Сползая по склону, машина выворотила то ли неизвестно кем вкопанный столб, то ли причудливо выветрившийся кусок скальной породы. Это препятствие затормозило скольжение многотонного «Урала», но повредило кузов и разорвало тент.

Верещагин легко взобрался внутрь. Сквозь прорванный тент в кузов заглядывало солнце. В его лучах капитан увидел длинные ящики, прикрытые брезентом. На брезенте стоял привычный для войны груз: стопка «цинков» с патронами, запасные аккумуляторные батареи, еще какая-то амуниция, несколько фляг, стопка тюков. Все это Верещагин видел не раз. Но вот нижняя часть груза, а именно длинные ящики, заинтересовала капитана. Откинув брезент и сняв «цинки», Верещагин принялся разгребать завал. Ящики во время схода по склону сместились.

Вскоре в кузов заглянул сержант Васильев.

– Помогай, – коротко бросил Верещагин.

– А че тут? – со степенностью, свойственной настоящим сибирякам, спросил сержант.

Переставляя новехонькие термоса для пищи, капитан пошутил:

– Конфетки-бараночки.

– Да я серьезно, – пробурчал сержант.

Очень скоро они добрались до заинтересовавшего Верещагина груза. Окрашенные зеленой краской ящики с металлической окантовкой были помечены фабричной маркировкой. Даже не читая набор букв и цифр, десантник понял, что внутри.

Понял и сержант, присвистнув от удивления:

– Это же «Стрелы»!

– Наметанный у тебя глаз, Васильев, – откликнулся капитан.

Сержант не без гордости отметил:

– Не первый месяц на войне.

Аккуратно отщелкнув замки, Верещагин открыл верхний ящик. Там, в заводской упаковке, лежало оружие, о котором мечтала любая банда. Новехонький переносной зенитный комплекс 9К-32 «Стрела-2», предназначенный для борьбы с воздушными целями, предстал перед ними, что называется, во всей красе. Только десантники думали о другом. Неделю назад из такой штуковины боевики сбили вертолет с ребятами из их полка. Сбили на подлете к блокированной боевиками заставе.

Дальнейший досмотр принес новые сюрпризы. Переносными зенитными комплексами дело не ограничилось. В правом углу борта, за штабелем ПЗРК, находилось оружие посовременнее. Первым обнаружил его сержант Васильев. Сначала раздалось сдавленное восклицание:

– Мать моя женщина! А это что за чудо?

Верещагин обернулся. В руках сержант вертел винтовку не совсем привычной формы. Винтовка отличалась от знакомой снайперской системы Драгунова.

– Покажи, – попросил капитан.

Сержант бережно, словно ребенка, передал оружие. Теперь настал черед удивляться командиру. Он, как человек, понимающий толк в орудиях убийства, бережно погладил приклад, проверил механизм затвора, провел пальцем по кронштейну, на который должен крепиться оптический прицел.

– Знаешь, что это за игрушка? – не поворачивая головы, спросил он сержанта.

– Нет.

– ВСК-94. Калибр – 12,74 миллиметра. Броню бэтэера прошивает насквозь. Новейший «винтарь».

– «Взломщик», что ли? – придвинувшись поближе, спросил сержант.

– Он самый. Только я ума не приложу, как этот «винтарь» здесь нарисовался. Его в войсках еще нет. Проходит как секретное оружие. А здесь так, запросто, и не одна единица. – Недоумению капитана не было предела.

Эту систему им демонстрировали не далее как месяц назад. Перед выстроенными на плацу офицерами появился заместитель командира полка по вооружению вместе с людьми в форме без знаков различия. Винтовку показывали с расстояния пяти метров, как и положено опытному образцу секретного оружия.

Сержант бережно принял «винтарь» из рук командира. Осмотрев, он положил оружие на прежнее место.

Но сюрпризы на этом не закончились. В кузове нашлось несколько коробок с биноклями, чья просветленная оптика с двенадцатикратным увеличением была мечтой любого федерала, воюющего в горах. Цели, видимые в такой бинокль, были особенно четкими, а силуэты людей, сооружений, очертания рельефа не расплывались бесформенным пятном.

Последней находкой, добившей капитана и его подчиненного, стали термотурбулентные реактивные заряды к ручному гранатомету РПГ-7.

– Такая хрень из бэтэера крематорий запросто сделает, – выдохнул сержант, рассматривая заостренное жало заряда.

– Легко, – подтвердил капитан.

Сержант покачал головой:

– Ну и арсенал собрали! Всего понемногу, но все отменного качества.

– Странно все это, Васильев. Везут секретное оружие вперемешку со всяким барахлом. Как будто это металлолом какой-то. Нас не предупредили. Никаких особых инструкций не давали. Передали груз по этапу и – прости-прощай, – задумчиво рассуждал капитан.

Внимая размышлениям командира, сержант все больше мрачнел:

– Не нравится мне все это.

– Согласен, – эхом откликнулся Верещагин.

– А давайте и остальные машины проверим.

Верещагин, ни секунды не задумываясь, поддержал инициативу:

– Толково мыслишь, сержант! Должны же мы знать, что сопровождаем.

– Факт, – усмехнулся Васильев.

Осмотр остальных машин дал похожие результаты. Среди обычного армейского имущества находились удивительные экземпляры невиданного доселе в войсках оружия.

Вернувшись к «Уралу», возле которого суетился прапорщик и все так же беспомощно сидел на земле лопухий водила, капитан тихо сказал сержанту:

– Ты, Васильев, не трепись ребятам о том, что везем.

– Понял, товарищ капитан, – кивнул тот.

– Возьми пару зарядов и снаряды гранатометы. Потом на место вернем, – еще тише произнес Верещагин.

– Сделаем.

– И смотри в оба. Я «Урал» поведу, а ты в дозорной машине за главного остаешься.

Понятен расклад?

– Да куда уж яснее, – ответил сержант.

– После прохода перевала свяжемся с командным пунктом.

– А может, сейчас?

Верещагин отрицательно покачал головой:

– Выполняй. Я с прапором потолкую...

Беседа с прапорщиком внятных результатов не принесла. Он охотно закурил предложенную капитаном сигарету, вытер пот со лба и с каким-то ожесточением осмотрел подступавшие к дороге горные склоны.

– Задрало меня все в этой Чечне, – зарычал прапор. – Третий год тут парюсь. Сыну на учебу хочу заработать. А так, видал бы я в гробу эту службу.

Стоявший рядом Верещагин положил собеседнику на плечо руку:

– Ладно, прапорщик, не бухти. Работа у нас такая. На гражданке отдохнешь. Выйдешь на пенсию, на рыбалку ходить будешь или на даче цветы выращивать. Красота...

– Доживу ли до пенсии? – совсем уж по-стариковски вздохнул уставший «кусок».

Притушив ногой окуроч, десантник попытался приободрить собеседника:

– Не хандри! Груз доставим, а там и отметить это дело можно будет. У меня неприкосновенный запас имеется. Накроем поляну, барашка для шашлыка достанем. У меня знаешь как один сержант шашлыки жарить умеет? Пальчики оближешь! Снаружи с корочкой, а внутри мясо душистое, сочное, во рту тает.

Прапорщик внимательно посмотрел на десантника. Он чему-то усмехнулся в прокуренные усы, сверкнул металлическими фиксами и совсем уж по-свойски сказал:

– Ты, капитан, не грузи! Спрашивай прямо, что надо. Я ведь не студентка, чтобы ко мне подкатывать.

– Ты знаешь, что за груз везешь? – капитан, что называется, взял быка за рога.

– Так, всего понемногу. Сборная солянка. Амуницию для мотострелков. «Калашки» для местной милиции. Несколько приборов ночного видения, комплекты формы. – Прапорщик прервал перечисление, недоуменно уставившись на капитана. – А в чем, собственно, дело?

– Сам груз получал?

– Нет. Подполковник Кривонравов и его люди получение и погрузку от начала до конца проводили.

– А так бывает? – недоверчиво переспросил десантник.

Прапор взорвался:

– Ты что, капитан, только вчера родился?! У нас и не такое бывает. Я приказы начальства не обсуждаю. Ты прямо предъявы какие-то гонишь. Что, из груза что-то пропало?

Верещагин понял, что раскричавшийся прапорщик знает о грузе ровно столько же, сколько и он полчаса назад. Раздухарившегося прапора следовало немедленно успокоить. Он, кажется, действительно устал от военной пахоты. Такое в Чечне случалось. И это на войне было самым опасным. Верещагин это точно знал. В таком состоянии люди перестают чувствовать опасность, перестают бояться, а их инстинкт самосохранения отказывается работать. В таком состоянии человек может наделать массу глупостей.

Слегка встряхнув прапорщика за плечи, Верещагин сказал:

– Все, уважаемый, остынь. Пора трогаться. И так время потеряли.

– Что с машиной делать? – указав кивком головы на лопухого, спросил прапорщик.

– Я «Урал» поведу. Парнишка не скоро оклемается.

Прапорщик тут же предложил свои услуги:

– Может, мне баранку покрутить?

– Еще успеешь. Ты лучше за своими орлами присматривай, – помогая водиле подняться, отрубил капитан...

Когда колонна подходила к перевалу, небо посерело. Погода портилась. С севера пришли тяжелые тучи. Налитые свинцом, они ползли по небосклону, цепляясь за вершины гор. В низинах змеиными клубками скапливался туман. Но в кабине «Урала» причуды погоды большого значения не имели. Машина шла ровно, а за ней мерно рокотал БТР с пехотинцами на броне.

Верещагин успел поближе познакомиться с лопухим водилой. Он даже проникся симпатией к медленно отходившему от испуга парню. Водила с простым хорошим именем Иван был родом из Серпухова и уже успел прослужить половину определенного Родиной срока. Из родителей у Ивана была только мать.

– Чем матушка занимается? – поддерживая разговор, но не отвлекаясь при этом от дороги, спросил капитан.

– Полы в крутой конторе моет. На праздники от шефа подарки получает. Пару бутылок водки и хавчика немного. Они же, крутые, думают, что уборщице, кроме бухла и еды, ничего не надо, – с нескрываемым презрением к богатым говорил парень. – Я мамке после дембеля духи французские куплю. Настоящие духи, в хрустальном флаконе.

– Батя никогда парфюм не дарил? – глядя в зеркало бокового обзора, спросил капитан. Солдаты на броне казались нахохлившимися птицами, усевшимися на морской утес.

– Батя бухал по-черному. Через это копыта и откинул. Он, кроме водяры, ничего не признавал. Какой там парфюм, если у него трубы по жизни горели, – с ожесточением в голосе откликнулся Иван.

«Совсем еще пацан, а его на войну отправили. И ничего-то он в жизни не видел, кроме пьющего папаша и плачущей матери», – подумал капитан.

– На гражданке учиться пойдешь или как?

– В ментуру подамся. Мозги учебой парить не хочу. На фирму меня не возьмут...

– Это почему же? – не понял капитан.

– Я же с войны вернусь. Гражданские нас отмороженными считают. Кому ужаленные войной нужны? У нас в городе пацан один был. Он еще в первую чеченскую войну под Ножай-Юртом глаз потерял, Кутузовым все обзывали, – словоохотливо строчил отходящий от стресса водила. – Так вот, хозяин фирмы удумал его с зарплатой кидануть. Урезал пару стельников,

а когда тот права начал качать, пообещал второй глаз выколоть. Ну, Кутузова и переклинило. Он за гранатой домой сбегал. Шефа в ресторане выщемил, когда тот отбивные с маслинами хавал, и «лимонку» ему на тарелку положил. – Парень зашелся смешком, от которого капитана передернуло. А Иван, захлебываясь, продолжал: – Шалман этот капитально трягнуло. Туз хоть и скатился под стол, но пачку осколков поймал. Ему в больничке селезенку да еще какой-то ливер отрезали. Короче, наказал Кутузов фирмача.

Верещагин слушал молча, а в конце спросил:

– Ну, а с террористом вашим местным что стало?

Водила безразлично буркнул:

– Ничего хорошего. Ранило Кутузова в живот. Его хирурги подштопали, а суд срок офицетельный вкатил. Чувак и сломался: не захотел на зоне вшей кормить – повесился в камере.

В кабине повисла долгая пауза. Каждый думал о своем. Верещагину стало жалко незнакомого парня, чья жизнь обернулась сплошной нелепицей. Он хотел сказать что-то нравоучительное, предостерегающее Ивана от повторения незавидной судьбы, но не сумел. Ведь он не был священником или психоаналитиком, способным врачевать людские души. Капитан Верещагин был офицером воздушно-десантных войск, умеющим выполнять воинский долг в меру своих сил и понимания. Вот только в Чечне Верещагин наглядно увидел, что этот самый долг каждый понимает по-разному. А уж на гражданке такое понятие и вовсе позабыли.

Из невеселых раздумий капитана вывел взволнованный голос водилы. Тот, ерзая на сиденье, тыкал пальцем в лобовое стекло.

– Смотрите, товарищ капитан, на выступе скалы волк стоит.

Верещагин напряг зрение. Он видел выступ, похожий на сжатый пеликаний нос, но там никого не было. В густых сумерках сложно было что-либо рассмотреть.

– Привиделось, – сказал капитан.

– Точняк, волчара стоял, – твердил солдат.

– В горах и не такое пригрзится. Может, ты снова кемарить начал. Такое, Ваня, бывает, – усмехнулся десантник.

Усталость давала о себе знать. Но за перевалом начинался спуск в долину. А это означало, что самая тяжелая часть пути пройдена. Там, на равнине, колонна прибавила бы в темпе и очень скоро добралась бы до конечного пункта назначения. Там можно позабыть и о коварном серпантине, и о непонятном грузе, и о мрачном ущелье с угрюмыми зарослями по правому борту.

Капитан Верещагин крепче сжал руль «Урала». Он повернулся к сидевшему рядом пареньку:

– Не дрейфь, Ванюшка, прорвемся.

Вдруг сквозь муть стекла дверцы капитан Верещагин увидел, как оживает угрюмый лес. Люди возникали из темноты бесшумными серыми призраками. Их присутствие в окутанном туманом лесу Верещагин почувствовал почти инстинктивно.

Губы капитана искривились в беззвучном крике:

– Засада!

Глава 3

Два раскатистых взрыва прогремели в ущелье синхронно. Шедший за «Уралом» бронетранспортер с пехотой на броне налетел на радиоуправляемый фугас внешней стороной правой гусеницы. Машину развернуло перпендикулярно дороге, а три катка отлетели начисто.

Шедшей в авангарде бээрдээмке повезло больше. То ли детонатор дал осечку, то ли ответственный за подрыв боевик прогляпил нужный момент, но БРДМ проскочил, оказавшись вне эпицентра взрыва. Машину лишь основательно тряхнуло, швырнув вперед на несколько метров. Правда, десанникам на броне от этого было не легче. Сметенные взрывной волной, они попадали на каменистую поверхность.

Одновременно со взрывами капитан Верещагин нажал ногой на тормоз. Он видел, как вздрогнул и уткнулся лицом в лобовое стекло лопухий водила. Схватив бойца за тонкую шею, капитан повернул Ивана лицом к себе.

– Эй, парень, что с тобой? – выдохнул капитан.

Ответа не последовало. Мертвые глаза паренька уже увидели вечность, а правую сторону его лица заливала кровь. Пуля попала парню в висок, и смерть наступила мгновенно. В бессилой ярости капитан вскинул автомат. Его ствол уткнулся в проем окна дверцы с приспущенным стеклом.

– Ловите, твари, за Ивана, – гаркнул капитан.

Заряд из подствольного гранатомета ушел к лесу. Огненных сполох осветил стволы деревьев и бородачей, прятавшихся за ними. Но Верещагин этого не видел. Рванув ручку, он распахнул дверь и быстро выбрался из кабины. Выбрав позицию у колеса, десантник дал очередь, попытался вникнуть в ситуацию.

Подбитая бээмпэшка с разорванными гусеницами прочесывала лес огнем из башенной пушки. Стрелок, контуженный взрывом, все же не потерял способности ориентироваться. А вот водителю досталось. Верещагин видел, как тот попытался выбраться из люка. Чеченский снайпер, засевший совсем близко, снял бойца почти мгновенно. Водитель выгнулся дугой и сполз вовнутрь бронемашин.

Рядом с подорвавшимся бронетранспортером лежали распростертые в пыли пехотинцы. Только несколько человек сумели прийти в себя. Они-то и оказывали хоть какое-то сопротивление.

Привстав, Верещагин крикнул:

– Бойцы, за камни, за камни прячьтесь! Не дайте себя перестрелять как куропаток.

Со стороны остановившегося впереди «газона», подволакивая раненую ногу, как-то боком полз усатый прапорщик. Когда до Верещагина оставалось метров двадцать, прапор перевернулся на спину, хватаясь ладонями за грудь. Десантник, невзирая на разбойничий посвист пуль, подполз к прапору. Тот лежал, опрокинувшись навзничь. Его куртка успела набухнуть от крови, став черной. Прапорщик был жив и не выпускал из руки автомат.

– Капитан, помоги перевернуться, – едва шевеля губами, попросил он.

Верещагин немедленно исполнил просьбу. Прапор уперся локтями в землю, приподнялся, приложил к плечу приклад и расчетливыми скупыми очередями ударил в темноту. В паузах между очередями прапор слабеющим голосом шептал:

– Дело дрянь, капитан.

– Держись, – отвечал Верещагин.

Почти у самой обочины возникли три фигуры. Боевики вели огонь из положения стоя, стремясь прорваться к машинам. Верещагин перекатился через спину и тоже вскочил. Вскинув автомат, он веером пустил длинную очередь. Трое бандитов, срезанные свинцом, рухнули наземь. А капитан уже выбирал новую цель.

Вдруг с правой стороны раздалась серия взрывов. Гранатометчики, засевшие на позициях, били по бронетранспортеру.

«Пулеметчика хотят придушить», – понял Верещагин.

Он заметил и другую особенность – по машинам с грузом боевики огонь не вели. Они явно берегли машины или груз, находящийся в них.

«Так вот что вам надо», – мелькнула догадка в мозгу капитана.

Где-то за его спиной раздался долгий пронзительный крик. Капитан обернулся. На дороге в предсмертных судорогах корчился прапор, перерезанный пополам автоматной очередью. И сразу же за криком последовала очередная серия взрывов. Пристрелявшись, гранатометчики накрыли бронетранспортер. Огненный вал прошелся по корпусу машины. Искореженная башня стала похожей на вскрытую консервную банку, а спаренная с пулеметом гладкоствольная пушка замолчала.

«Четко, сволочи, сработали», – стиснул зубы капитан, отступая к голове атакованной боевиками колонны.

...Оглушенный взрывом, сержант Васильев, сжав зубы от боли, приподнялся на выпрямленных руках. Сквозь пелену порохового дыма, плывшего над дорогой, он попытался рассмотреть «Урал», в котором ехал его командир. Но из-за плотной дымовой завесы ничего не было видно.

– Сержант, ты живой?..

Крик с трудом доходил до сознания Васильева. Он повернул голову и увидел ползущего по-пластунски Стропу. Тот, иногда поворачиваясь на бок, огрызался короткими очередями из «калаша», стреляя в сторону леса.

– Стропа, не дергайся. Я в норме, – приходя в себя, рывкнул сержант.

Отщелкнув предохранитель, он лязгнув затвором, досылая патрон в патронник. Первую очередь сержант пустил наугад. Затем, различив сполохи огня за деревьями, он стал выбирать цели. Откуда-то из глубины черного леса ударил станковый пулемет. Пулеметчик работал грамотно, стараясь превратить уцелевшую бээрдээмку в решето.

– Сука, – прошептал Васильев.

Стараясь не промахнуться, он выстрелил в сторону строчащего пулемета. Выстрел не достиг цели. Подавить огневую точку одним выстрелом из подствольного гранатомета не так-то просто. Но судьба даже в самых страшных ситуациях любит подбрасывать неожиданные подарки. Внезапно сержант увидел валявшийся в пыли длинный предмет. Это был ручной противотанковый гранатомет, снаряженный по приказу командира термотурбулентным реактивным зарядом. Кто-то из бойцов при взрыве выронил оружие.

Стремительным броском сержант добрался до гранатомета. Встав в полный рост, он положил гранатомет на плечо. Пальцы Васильева легли на спусковой крючок.

– Получите гостинец от сержанта ВДВ, – сквозь зубы процедил он.

Двухкилограммовая граната с надсадным воем ушла к лесу. Склон озарился огненной вспышкой. Трещавший до сих пор пулемет захлебнулся и умолк.

– Словил, падла, – с торжествующей яростью воскликнул сержант.

Но тут же в канонаду выстрелов добавились новые ноты. Резервный расчет боевиков вышел на позиции, чтобы сменить умолкший пулемет. Свинцовый смерч заплясал на дороге с новой силой. Но в этой круговерти сержант вдруг почувствовал себя необычайно уверенно. Даже вопли боевиков, доносившиеся из леса, его не трогали.

– Командир! – закричал сержант, узнав в человеке, озаренном сполохами выстрелов, капитана Верещагина.

Первая часть атаки была завершена. Боевики ослабили огонь, достигнув желаемых результатов. Зажатая в узкой горловине колонна, блокированная сожженным бронетранспортером и побитой бээрдээмкой, стала легкой добычей. Главную часть операции «чехи» провели

как по нотам: четко и хладнокровно. Сейчас они перегруппировывали силы. Несмотря на фактор внезапности, федералы оказали ожесточенное сопротивление, на которое боевики, видимо, не рассчитывали. Но перевес сил был на их стороне. Они не торопились, надеясь сохранить своих людей и довести начатое до конца.

– Сейчас попут. – Сержант лежал рядом с Верещагиным.

– Сколько у нас людей? – присоединяя к автомату новый рожок, спросил капитан.

– Немного. Стропа на левом фланге оборону держит. Возле «коробочки» двое наших. А сколько пехоты уцелело, я не знаю, – подвел грустные итоги сержант.

Обстрел не прекращался ни на минуту. Уверенные в победе, боевики что-то горланно кричали. Иногда к крикам примешивались угрожающие ругательства и призывы сдаваться:

– Эй, федералы, сейчас вам головы резать будем!

Сержант в сердцах сплюнул:

– Раскудахтались, душманы.

Верещагин молча смотрел на позиции противника. Он уже представлял, как со склона сойдут боевики. Судя по плотности огня, превосходство в живой силе было на их стороне. Спустившись к дороге, они уничтожат оставшихся в живых, захватят груз и растворятся в лесу. Этого капитан допустить не мог.

– Васильев, ждать помощи нам неоткуда, – спокойно произнес капитан.

– Рация наверняка загнута, – сказал сержант.

– Даже если сумеем связаться с нашими, помощь придет не скоро. До прихода «вертушек» нас пережуют как цыплят.

Последнее сравнение вызвало у сержанта приступ гнева:

– Ну уж ни хрена. Я и мои ребята на пернатых не похожи. Еще сумеем дать жару.

«Храбришься, сержант! Сколько ребят уже погибло», – горько посетовал про себя капитан.

Ущелье наполнилось мраком. В горах ночь наступает внезапно. На небе уже высыпала россыпь мелких, тускло блистающих в разрывах между тучами звезд. Такая темнота была на руку попавшим в засаду федералам.

Капитан, посмотрев на небо, принял решение:

– Значит так, Васильев. Собирай людей.

– Будем отступать? – желая убедиться в правильности своей догадки, спросил сержант.

Верещагин с трудом выдавливал из себя слова:

– Да. Пойдем по склону. Придется кого-то оставить для прикрытия. Иначе не оторваться.

– Тому, кто останется, верная крышка, – вздохнул сержант.

Командир упрямо повторил:

– Иначе не оторваться... Но прежде, Васильев, надо уничтожить машины. Ты видел, что там за груз. «Духи» эти игрушки не должны получить.

– Это и коню понятно, – согласился не терявший головы даже под огнем сибиряк.

Через несколько минут, воспользовавшись паузой в атаке, бойцы собрались возле командира. Они расположились вдоль линии обороны, так что каждый мог передать соседу слова Верещагина. Справа и слева от капитана находились сержант и Стропа. Через них он отдавал последние приказания перед броском в темноту.

– Поднимаемся по склону группами по двое, – быстро говорил капитан. – Не останавливаться! Идти строго на север. Когда дойдете до ручья, повернуть вправо. Там будет тропа, которая ведет к окраине мертвого аула. Там стоит старая башня. Возле нее встречаемся. – Прервавшись, Верещагин посмотрел по сторонам. – Снарядить магазины трассерами! Поднимемся по склону и ударим из всех стволов по бензобакам. Но главная надежда на тебя, сержант, и на тебя, рядовой. – Он взглянул на лежавших рядом бойцов.

Васильев и Стропа, за плечами которых виднелись трубы снаряженных гранатометов, понимающе кивнули. Такое же оружие передали и Верещагину. Именно их выстрелы должны были уничтожить машины с бесценным грузом.

Оставался самый сложный вопрос – вопрос, похожий на приговор. Но Верещагин ради всех остальных должен был задать его:

– Кто останется прикрывать отход группы?

Долговязая фигура придвинулась к командиру.

– Товарищ капитан. Я останусь, – срывающимся от волнения голосом произнес Стропа.

Капитан протянул руку и на ощупь поймал ладонь своего бойца. Та была скользкой от крови. Стропа то ли поймал шальной осколок, то ли заработал пулевое ранение, но вида не подавал. Капитан достал из разгрузки несколько гранат и передал их подчиненному.

– До склона дойдешь? – спросил он.

– Как-нибудь докандыбаю. Я там отличный валун присмотрел. Буду за камнем, как у бога за пазухой, – с деланой беззаботностью ответил десантник.

– Куда тебя?

– Бочину порвало и, кажется, по низу живота осколком садануло. Кишка пока не лезет, но амуниция мокрая от крови.

В темноте Верещагин увидел, как побелели губы солдата. Капитан подавил в себе вспыхнувшее чувство жалости. Война – жестокая штука. На ней слишком часто случается, что ради жизни других кто-то обязан пожертвовать своей. Сегодня такой выбор сделал Стропа.

Присоединив полный рожок к автомату, капитан скомандовал:

– Рассредоточиваемся! По моему сигналу – две короткие очереди трассерами в воздух – отходим в горы.

Капитан понимал, что оторваться от боевиков шансы невелики. Единственным союзником выступал мрак. Был еще один шанс, делавший погоню маловероятной – «духи» хотели захватить машины с грузом в сохранности. Жизни нескольких солдат вряд ли были для них главной целью. Но Верещагин уже сделал выбор.

Неожиданно ущелье загудело тысячью голосов. Поднявшийся некстати ветер шумел в верхушках деревьев, играл с языками пламени, поднимавшимися над подбитым бронетранспортером. В разрывах между тучами предательски вынырнула луна.

Верещагин крепче сжал автомат.

– Не вовремя светило решило покрасоваться, ох как не вовремя, – прошептал он.

Две очереди красными строчками вспороли ночное небо. На дороге зашевелились фигуры поднимающихся бойцов. Сначала короткими перебежками, а достигнув обочины и встав в полный рост, они пробирались к склону горной гряды. Одновременно оживились засевшие в лесу боевики. Ведя огонь по отступающим солдатам, они спускались к брошенным на дороге машинам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.